

А РХЕОРЕЦЕНЗИЯ

Елена Никифорова

Kate Brown. A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 2004. 322 p. ISBN 978-0-6740-1168-7.

Елена Никифорова. Адрес для переписки: Центр независимых социологических исследований, Лиговский проспект, д. 87, офис 301, Санкт-Петербург, 191040, Россия. elenik@bk.ru.

На окраинах исторических владений Российской империи и Польши лежат земли, некогда называемые *кресы* (по-польски «пограничье»), а ныне печально известные как чернобыльская зона. С точки зрения истории, создаваемой, как правило, из перспективы государств, эти земли можно назвать «не местом» – они никогда не были отдельной политической общностью и не имели какого-либо влияния на ход истории, вплоть до того апрельского дня 1986 года, когда название украинского городка разлетелось по свету вместе с радиоактивным облаком. Что же побудило Кейт Браун написать об «останках отдаленной области, не имеющей центрального исторического значения и расположенной на периферии империи, которая больше не существует»? Если поместить в фокус истории людей, находящихся на ее окраинах, – объясняет автор, – станут отчетливо видны последствия большой политики и разрушения, совершаемые государствами под знаменами модернизации и прогресса.

По словам Михаила Бахтина, культура расцветает на перекрестках. В начале 1920-х годов *кресы* представляли собой поистине сад культур: в деревнях и городках слышалась польская и украинская речь, идиш и немецкий; православные и католики жили по соседству с евреями-хасидами, лютеранами и баптистами, а также с теми, кто исповедовал все понемногу. Это продолжалось до тех пор, пока модернизационный проект советской власти не достиг самых отдаленных и отсталых окраин. Путь к модернизации страны лежал через классификацию и упорядочивание людей и территорий по национальному признаку, и *кресы*, представлявшие инспектирующему взгляду архаичным хаосом, сотканным из диалектов, конфессий, местечковых суеверий и традиций, задавали властям сложную задачу, которая, однако, была успешно решена. Население *кресов* было рассортировано по национальностям, что не только не привело к развитию и модернизации этого

региона, но и стало началом конца и жизни многих жителей пограничья, и самой среды пограничья как культурного перекрестка. Кресы превратились во внутренние и этнически гомогенные территории Украины.

Исследование Кейт Браун – об уничтожении культурно-мозаичного приграничья и рассеивании его жителей. В основании авторского взгляда на локальную историю пограничья лежит критика национального проекта как условия эффективного развития советского государства. Исследовательница напоминает о том, что национально-территориальное деление СССР и современной России, столь привычное нам сегодня, не являлось единственно возможным. Из разных вариантов государственного устройства советские теоретики сделали выбор в пользу классификации людей и территорий по национальному признаку, итогом чего стала развернутая в начале 20-х годов политика упорядочивания локальных культур и их развития в новых национальных рамках. Советская Украина возглавила первый советский парад национальностей: к 1926 году на ее территории было создано одиннадцать национальных районов и около трехсот национальных деревень, облекающих доселе трудноуловимые идентичности немцев, евреев, чехов, греков, болгар и других меньшинств в осязаемую материальную форму. В рамках новой политики территориально зафиксированные национальные культуры сначала пользовались всесторонней поддержкой: создавались школы, библиотеки, клубы, национальные театры, вводилось образование на национальных языках. Однако к середине 1930-х годов национальные районы были расформированы, проекты поддержки свернуты, а меньшинства переопределены в опасных и враждебных «других».

В условиях меняющейся политической конъюнктуры первой половины 1930-х годов – ухудшения отношений с Польшей, укрепления нацистской Германии – навязанная классификация по национальному признаку оказалась для кресов фатальной. Браун показывает, как просто оказалось для советской власти в атмосфере растущей тревожности назначить врагами социалистического строя национальные меньшинства, по сути порожденные самим строем. Нелояльным элементам было не место в пограничье, и в конце 1930-х годов большая часть населения уже расформированного Мархлевского польского района была депортирована в северный Казахстан; многие были расстреляны. За поляками последовали немцы, запятнавшие себя получением в начале 1930-х помощи от общественных организаций Германии. В 1941 году со сменой власти и приходом в кресы немецкой национальной политики акценты снова сместились: в новой расовой иерархии еврейская идентичность оказалась приговором, а немецкая – ключом к спасению (как известно, тоже ненадолго).

Помимо собственно содержания, работа крайне интересна с методологической точки зрения. Книга написана в необычном для исследований жанре «травелога», как определила его сама автор. О людях с окраин, географически и социально маргинализированных, в архивах практически не осталось свидетельств, и, чтобы найти их следы, Кейт Браун отправляется в путешествие – сначала в кресы, а затем в Казахстан, где осели выходцы из пограничья. Справиться с ситуацией скудности источников исследовательнице помогает этнографический метод и субъективная исследовательская оптика. Опорами повествования, особенно в

первых главах книги, выступают локальные свидетельства, разрозненные и разнокалиберные, связанные между собой рефлексивными замечаниями автора, проживающей «не место» на личном опыте. В результате из вереницы выпуклых образов и зарисовок складывается живой и поразительный мир кресов 1920-30-х годов. Под внимательным и подчеркнuto равнодушным взглядом исследовательницы каждая из находок, будь то архивная фотография, биография местного деятеля или подшивка районной газеты, прирастает смыслами, обретает объем и начинает говорить, внося свою лепту в реконструкцию пограничной жизни. Говорят в том числе и пустоты – замолченное, забытое, брошенное. В мастерском письме Браун вообще много воздуха – авторский стиль отличает живость и диалогичность: в духе жанра травелога автор ведет беседу с потенциальным читателем, потому и читается книга интересно и легко. При этом локальные находки увязаны друг с другом и соотнесены с широким историческим и теоретическим контекстом, что делает реконструкцию Браун убедительной и обоснованной.

Книга была отмечена тремя престижными премиями и рядом рецензий в американских и европейских журналах, а в российском сообществе обсуждалась довольно мало, что тем более побуждает рекомендовать ее к прочтению. Содержательно ценная, эта работа также представляет собой редкий образец увлекательного и от этого не менее академичного письма и, думается, способна вдохновить как студентов, так и более опытных исследователей на методологические эксперименты и новые творческие формы изложения материала.